
**РЕКРУТАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ
В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО
ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА**

**А.В. Поляков
(Россия, Армавир)**

Аннотация. *Анализируются задачи, стоящие перед современной политической элитой России в контексте модернизации. Исследуется социальная результативность элиты и основные системы рекрутирования. Рассматривается политическое рекрутирование региональных элит.*

Annotation. *The problems facing modern political elite of Russia in the context of modernization are analyzed. Social productivity of elite and the basic systems of recruitment are investigated. Political recruitment of regional elite is considered.*

Ключевые слова: *политическая элита, социальная результативность элиты, системы рекрутирования элит, ее механизмы и каналы, модернизация, человеческий капитал и инновационное общество.*

Keywords: *political elite, social productivity of elite, systems of recruitment of elite, its mechanisms and channels, modernization, the human capital and an innovative society.*

Формирование путей рекрутации политических элит в современной России происходит, к сожалению, на фоне несоответствия как качественного и количественного состава элит, так и механизмов их воспроизводства задачам модернизации всей социальной системы и управления социально-политическими процессами. Очевидно, что на современном этапе развития российского правящего класса он должен решительным образом продекларировать важность перехода от общества потребления к обществу созидания, базирующемуся на концепции интеллектуального государства [15].

За констатацией, вроде бы, всеми понимаемого и поддерживаемого факта должен последовать реальный и просчитанный механизм действий, чтобы «сделать грядущее более привычным, предсказуемым, а не бросаться с пожарным рукавом от пожара к пожару без малейшего подобия внятного плана или политики в отношении будущего» [1, с. 97]. В этой связи, исходя реалий российского социума, важными представляются несколько компонентов.

Один связан с насущной потребностью создавать и модернизировать не все социальное пространство сразу (у нас слишком много антагонизмов и специфических условий экономического, культурного, этнического и др. характера), а формировать отдельные модельные сообщества будущего, своеобразные «точки роста». При этом социальным лифтом могут и должны стать «особые центры отбора, воспитания и подготовки молодежи, аккумулирующие наиболее пассионарных, патриотически настроенных, умных и энергичных людей» [9, с. 90].

Другой компонент связан с тем, что образ будущей социальной, экономической и политической модели, которую создает правящая элита, должен быть не просто понятен и ясен всем гражданам, но и, самое главное, необходимо каждому найти достойное место для самореализации [14, с. 82]. Фактически, инновации могут и должны выступить как основа всей модели развития России. Важнейший шаг в этом направлении – создание спроса на инновации, что невозможно без развития высокотехнологичного производства. Лишь тогда можно говорить о формировании в России человеческого капитала новой формации, инновационной элиты. В этом контексте ключевым фактором выступают критерии формирования элитных слоев и характеристики механизма рекрутирования.

Нельзя не согласиться с утверждением Я.А. Пляйса о том, что механизм и критерии такой элиты «должны быть комбинированными, т.е. и партийными (партийные лифты), и государственными, и общественными (через систему выборов). При этом «в каждом из этих механизмов должны быть свои критерии и правила селекции. Иначе говоря, эти механизмы должны быть основаны на форматизированной базе.

Особой чертой этих механизмов в современных условиях в сравнении с прежними должна быть значительная роль электората и партийного, и общественного, регламентированная базовыми нормами». Все это должно «выявлять и поднимать по социальной и властной лестнице неординарно талантливых лидеров» [10, с. 53–54].

Система воспитания и обучения достойных, имеющих не только права, но и ответственность управлять другими, должна подвергаться на каждом этапе многочисленных претендентов серьезнейшим, детально формализованным экзаменам. Оптимальной для общества является стабильная демократическая элита, сочетающая тесную связь с народом с высокой степенью групповой кооперации, позволяющей понимать политических оппонентов и находить приемлемые для всех, компромиссные решения.

Элитарность современного общества – достаточно доказанный факт. Всякие попытки ее устранения и курса политического эгалитаризма приводили лишь к господству деспотических, нерезультативных элит, что в итоге наносило ущерб всему народу. Смягчить политическую элитарность можно лишь за счет общественного самоуправления. Однако на нынешнем этапе развития цивилизации самоуправление народа – скорее привлекательный идеал, чем реальность. Для демократического государства имеет первостепенную значимость не борьба с элитарностью, а формирование наиболее результативной, полезной для общества элиты, обеспечение ее социальной представительности, своевременное качественное обновление, предотвращение тенденции олигархизации элит, превращения их в господствующую привилегированную касту.

Социальная результативность элиты, характеризующаяся эффективностью выполнения ею функций руководства обществом, складывается из многих показателей. К числу важнейших из них относятся оптимальное сочетание горизонтальной и вертикальной интеграции и эффективная система рекрутирования, обеспечивающая высокую профессиональную компетентность и необходимые для руководящих кадров ценностные ориентации: честность, уважение законов и прав человека, заботу об общем благе и т.п.

Горизонтальная интеграция – это кооперация различных представителей элиты, ее групповая сплоченность. Удерживаемая в определенных пределах, она выступает необходимым условием принятия коллективных решений, предохранения общества от политической поляризации и радикализации, повышения способности руководителей находить компромиссные решения и достигать консенсуса, предотвращать и разрешать конфликты. Однако внутригрупповая интеграция способствует социальной результативности элиты лишь тогда, когда она происходит не за счет ослабления ее социальной представительности, характеризующей выражение элитой интересов всего общества. Как отмечает немецкая исследовательница Е. Хоффманн-Ланге, современные «элиты имеют тенденцию эмансипироваться от своего собственного базиса, требования которого они воспринимают как ограничение их свободы принятия решений» [13, с. 50–52].

Выражение элитой запросов и мнений населения зависит от многих причин. Одна из них – социальное происхождение ее представителей. Оно в значительной степени влияет на политические ориентации.

В современных государствах непропорциональность представления в элите населения достаточно велика. Так, среди элит стран Запада намного шире, чем другие группы, представлены выпускники престижных университетов. А это, в свою очередь, обычно связано с достаточно высоким социальным статусом родителей. На первых этажах политико-управленческой «пирамиды» низшие слои населения представлены значительно шире, чем в высших эшелонах власти. Непропорциональность в социальных показателях политических элит и всего населения еще не означает непредставительности политических ориентации руководителей.

Более важной по сравнению с формальной пропорциональностью состава элиты и всей социальной структуры гарантией социальной представительности элиты выступает ее организационная (партийная, профсоюзная и т.п.) принадлежность. Она прямо связана с ценностными ориентациями людей. Кроме того, партии и другие

организации обычно имеют достаточные возможности для воздействия на своих членов в нужном направлении. В современном демократическом обществе партийные механизмы контроля за элитами дополняются государственными и общественными институтами. К таким институтам относятся выборы, СМИ, опросы общественного мнения, группы давления и т.д.

Большое влияние на социальную представительность, качественный состав, профессиональную компетентность и результативность элиты в целом оказывают системы ее рекрутирования (отбора). Такие системы определяют, кто, как и из кого осуществляет отбор, каковы его порядок и критерии, круг селектората (лиц, осуществляющих отбор) и побудительные мотивы его действий.

Существуют две основные системы рекрутирования элит: гильдии и антрепренерская (предпринимательская). В чистом виде они встречаются довольно редко. Антрепренерская система преобладает в демократических государствах, система гильдий – в странах с авторитарными режимами и в «переходных» обществах постсоциалистических стран, хотя элементы последней системы встречаются и на Западе.

Каждая из этих систем имеет свои специфические черты. Так, для системы гильдий характерны: 1) закрытость, отбор претендентов на более высокие посты из нижестоящих слоев самой элиты, медленный, постепенный путь наверх. Примером здесь служит сложная чиновничья лестница, предполагающая постепенное продвижение по многочисленным ступенькам служебной иерархии; 2) высокая степень институционализации процесса отбора, наличие многочисленных институциональных фильтров – формальных требований для занятия должностей. Это могут быть партийность, возраст, стаж работы, образование, характеристика руководства и т.д.; небольшой, относительно закрытый круг селектората. Как правило, в него входят лишь члены вышестоящего руководящего органа или один первый руководитель – глава правительства, фирмы и т.п.; 3) подбор и назначение кадров узким кругом руководителей, отсутствие открытой конкуренции; 4) тенденция к воспроизводству существующего типа элиты. По существу, эта черта вытекает из предыдущих – наличия многочисленных формальных требований, назначения на должность высшим руководством, а также длительного пребывания претендента в рядах данной организации.

Антрепренерская система рекрутирования элит во многом противоположна системе гильдий. Ее отличают: 1) открытость, широкие возможности для представителей любых общественных групп претендовать на занятие лидирующих позиций; 2) небольшое число формальных требований, институциональных фильтров; 3) широкий круг селектората, который может включать всех избирателей страны; 4) высокая конкурентность отбора, острота соперничества за занятие руководящих постов; 5) изменчивость состава элиты, первостепенная значимость для этого личностных качеств, индивидуальной активности, умения найти поддержку широкой аудиторией, увлечь ее привлекательными идеями и программами.

Эта система больше ценит выдающихся людей. Она открыта для молодых лидеров и нововведений. В то же время определенными недостатками ее использования являются относительно большая вероятность риска и непрофессионализма в политике, сравнительно слабая предсказуемость политики, склонность лидеров к чрезмерному увлечению внешним эффектом. В целом, как показывает практика, антрепренерская система рекрутирования элит хорошо приспособлена к динамизму, современной жизни.

Система гильдий также имеет свои плюсы и минусы. К числу ее сильных сторон относятся уравновешенность решений, меньшая степень риска при их принятии и меньшая вероятность внутренних конфликтов, большая предсказуемость политики. Главные ценности этой системы – консенсус, гармония и преемственность. В то же время система гильдий склонна к бюрократизации, организационной рутине, консерватизму, произволу селектората и подмене формальных критериев отбора неформальными. Она порождает массовый конформизм и затрудняет исправление ошибок и устранение недостатков по инициативе снизу. Без дополнения конкурентными ме-

ханизмами эта система ведет к постепенной дегенерации элиты, ее отрыву от общества и превращению в привилегированную касту.

Так и произошло в СССР, где долгие десятилетия господствовала номенклатурная система рекрутирования политической элиты – один из наиболее типичных вариантов системы гильдий. Суть номенклатурной системы состоит в назначении лиц на все сколько-нибудь социально значимые руководящие должности лишь с согласия и по рекомендации соответствующих партийных органов в подборе элиты сверху.

Следует отметить, что в реальном политическом процессе России весьма весомый фактор всегда представляли региональные политические элиты. Нам представляется, что императивы эффективности управления огромным государством требовали определенного делегирования власти на субнациональные уровни, т.е. функциональной децентрализации.

Советская общественная система сменила идеологию и конкретные правящие страты, но оставила и качественно усилила власть государственной элиты. Она стала тотальной, централизованной и идеократической (см. работы М. Джиласа, М.С. Восленского, В.В. Радаева и О.И. Шкаратана) [2, 3, 12]. Партийно-государственная власть по замыслу и по воплощению являла собой вертикально интегрированную и директивно-управляемую систему. Под пропагандистской фразеологией о «диктатуре пролетариата» изначально скрывалась власть партийной элиты, уже к 1920-х гг. институционализированной в качестве замкнутой привилегированной страты. Наиболее жесткие формы советская элита («номенклатура») обрела в период сталинизма (1929–1953 гг.), когда ее единство и политико-идеологические ориентации поддерживались методами массовых репрессий.

Но таков облик элиты в «первом приближении», если сравнивать СССР и западные общества. Даже во время «эталонного» тоталитаризма 1930-х гг. проявлялись региональные группы интересов внутри элиты. В советский период роль региональных элит была дополнительно легитимирована благодаря федеративной форме государственного устройства, несмотря на всю декларированность советского федерализма.

Функциональные конфликты «по вертикали» между центром и региональными элитами и «по горизонтали» между регионами; частые отклонения от идеологических принципов кадровой политики в угоду местным интересам; отраслевое доминирование в органах власти хорошо изучены [4, 6–8]. Конечно, эти тенденции жестоко подавлялись, но они возникали вновь и вновь. Почему? Причины «местничества» заложены в самой сути советской системы: обмен ресурсами проходил в нетоварных формах, на административных рынках власти. Различия интересов «партократов» в регионах отчасти компенсировали жесткую централизацию и унификацию власти, делали систему относительно гибкой.

Переход России от советского квазифедерализма к весьма децентрализованной и асимметричной федерации создал правовое обоснование власти региональных элит. Они обрели конституционно закрепленные институты власти: статус субъектов Федерации для своих зон влияния, выборность глав регионов и парламентов, участие в Совете Федерации РФ, влияние на общероссийские органы власти в регионах – прокуратуру, суды, ФСБ, милицию.

Следует отметить, что формирование, строение и ресурсы влияния региональных элит неразрывно взаимосвязаны, причем в причинно-следственной логике. Не зная источники рекрутирования и селекции, социальных характеристик членов элит, мы не поймем бытующие структуры элит. Они, в свою очередь, объясняют распределение ресурсов влияния элит по территориальному и отраслевому признакам, а также в соответствии с институциональной структурой региональной власти.

Формирование и воспроизводство элит – непрерывный процесс. Он включает в себя рекрутирование, внутриэлитную консолидацию и мобильность, институционализацию и легитимацию элит.

Политическое рекрутирование определяется как процесс вовлечения индивидов и групп в активную политическую деятельность; элитное рекрутирование является разновидностью политического. В изучении рекрутирования полезно выделить ас-

пекты: социальный тип элиты (унитарный или плюралистический, закрытый или открытый); степень потребности элиты в новых членах; интересы и компетентность лиц, проводящих селекцию; механизмы отбора. Элитогенез не является изолированным явлением, он отражает в своей типологии и формах воздействия более глобальные процессы социальной стратификации и мобильности. Трудно представить себе открытую, высокоэрудированную и плюралистическую элиту во главе жестко-авторитарного режима.

Элиты можно разделить на четыре типа по влиянию на рекрутирование – сплоченную мобильную, открытую плюралистическую, унитарную изолированную и ограниченно-мобильную плюралистическую [11, с. 15]. В регионах постсоветской России преобладает модель перехода от унитарной изолированной к сплоченной мобильной или открытой плюралистической элите.

Важнейшие параметры рекрутирования – это его механизмы и каналы [5]. Механизмы понимаются в современной элитологии как принципы выдвижения в состав элиты, зависящие от типа общественной системы и ее модели стратификации. Механизмы могут быть традиционалистскими: кровное родство, землячество, религиозная и этническая принадлежность, владение официальным языком, имущественный и сословный ценз, личная преданность группе, протекционизм. Но они могут быть и конкурентными: характер образования, профессия и уровень квалификации, личные качества кандидата с точки зрения соответствия должности.

Каналы рекрутирования – пути продвижения индивидов и групп в высокостатусные страты. Они делятся на официальные (формально-правовые): выборы, назначения, победа в конкурсе на должность – и неофициальные: принадлежность к «команде», личная преданность лидеру и т.д. Теоретически каналами рекрутирования выступают социальные и политические институты: органы государственной власти и местного самоуправления, партии, СМИ, профсоюзы, общественные объединения, армия, правоохранительные органы, религиозные и этнические объединения. Однако соотношение каналов рекрутирования, степень их устойчивости можно установить только методами социологического анализа.

Преобладание конкретных каналов рекрутирования зависит, прежде всего, от социокультурных традиций региона, складывавшихся исторически (позиционных факторов). Динамический фактор состоит в типе политического режима, специфике распределения власти и влияния между институтами и акторами.

Социальные механизмы рекрутирования элиты непосредственно влияют не только на общественную роль и облик этой группы в целом, но и определяют типичные черты ее отдельных представителей – политических лидеров. К большому сожалению, слабая политическая активность граждан, низкая результативность и профессионализм российской элиты, незавершенность и специфичность процесса рекрутирования нового правящего слоя делают проблему качества политической элиты особенно актуальной в контексте «грядущей» модернизации и реализации концепции инновационного общества.

Библиографический список

1. *Агапов П. В.* Социальное прогнозирование / П. В. Агапов, В. В. Афанасьев, Г. Н. Качура. – М., 2009.
2. *Восленский М. С.* Номенклатура: господствующий класс Советского Союза / М. С. Восленский. – М., 1991.
3. *Джиглас М.* Новый класс. Лицо тоталитаризма / М. Джиглас. – М., 1992. – С. 159–360.
4. *Карабущенко Н. Б.* Психология российских элит: теоретико-обобщенная и реальные модели / Н. Б. Карабущенко. – М.: МНЭПУ, 2009.
5. *Крыштановская О. В.* Формирование региональной элиты: принципы и механизмы / О. В. Крыштановская // Социс. – 2003. – № 11. – С. 3–11.
6. *Лапина Н. Ю.* Формирование современной российской элиты (проблемы переходного периода) / Н. Ю. Лапина. – М., 1995. – С. 8–9.
7. *Лэйн Д.* Политическая власть и стратификация в советском обществе / Д. Лэйн // Политические процессы в условиях перестройки: сб. науч. тр. – М., 1991. – С. 34–60. – Вып. 1.

8. **Мохов В. П.** Эволюция региональной политической элиты России (1950–1990 гг.) / В. П. Мохов. – Пермь, 1998;
9. **Новая** русская доктрина: Пора расправить крылья. – М., 2009.
10. **Пляйс Я. А.** Политическая наука в современной России в контексте системной трансформации общества и государства : дис. ... д-ра полит. наук / Я. А. Пляйс. – М., 2009.
11. **Попонов Д. В.** Процесс формирования региональной политической элиты в современной России : автореф. дис. ... канд. полит. наук. / Д. В. Попонов. – Саратов, 2004. – С. 15.
12. **Радаев В. В.** Социальная стратификация / В. В. Радаев, О. И. Шкаратан. – М., 1996.
13. **Хоффман-Ланге У.** Элиты и демократизация германский опыт / У. Хоффман-Ланге // Социс. – 1996. – № 4.
14. **Чернышов А. Г.** Общество и элита России в поисках стратегии развития. Демократия. Власть. Элиты: Демократия vs элитократия : сб. ст. / А. Г. Чернышов ; отв. ред. Я. А. Пляйс. – М. : РОСПЕН, 2010. – 215 с.
15. **Швейцер А.** «Я родился в период духовного упадка человечества» / А. Швейцер // Кризис сознания: сборник работ по «философии сознания». – М., 2009.

СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ И РОЛЬ СМИ В ОСВЕЩЕНИИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

О.В. Дьякова
(Россия, Астрахань)

Аннотация. *Коррупция стала врагом номер один для формирования в России основ гражданского общества и конструктивных изменений в качестве правящих политических элит. В отсутствие четко продуманной политики властей в деле борьбы с коррупцией СМИ отводится исключительно важная роль по мониторингу коррупционной практики и начальной общественной экспертизе антикоррупционных мероприятий.*

Annotation. *Corruption has become the enemy number one for the formation in Russia of bases of civil society and constructive changes in the quality of the ruling political elites. In the absence of well-thought-out policy of the authorities in business of struggle against corruption of mass-media exclusively important role on monitoring of corruption practice and initial public examination of anticorruption actions is taken away.*

Ключевые слова: элита, власть, политика, коррупция, криминал, антикоррупционная политика, СМИ, гражданское общество, модернизация.

Key words: elite, power, policy, corruption, криминал, anticorruption policy, mass-media, civil society, modernization.

В последнее время тема коррупции стала одной из центральных злободневных тем, широко обсуждаемой в современном российском обществе. Острота этой проблемы объясняется многими причинами и, в частности, болезненным расслоением российского общества, падением качества управленческой деятельности чиновничьего аппарата, политической дезориентацией граждан, слаборазвитостью институтов гражданского общества и т.д. В этих условиях рупором российского общества оказываются не столько политики-популисты, сколько российские средства массовых информационных, часто выступающие на стороне гражданских интересов, систематически страдающих у нас от произвола властей и отдельных чиновнических субъектов.

В отношении самих СМИ и коррупции следует выделить, как минимум, две позиции: 1) участие СМИ в борьбе с коррупцией (то, как освещается СМИ антикоррупционная борьба) и 2) СМИ и коррупция (то, как сами СМИ подвержены коррупционному давлению и участвуют в коррупционных процессах). В последнем случае речь идет о «продажности СМИ», в первом – об их принципиальной позиции в противодействии этому социальному злу. В первом случае СМИ находятся на стороне ответственности, честной власти, во втором – на стороне коррупционеров и криминальных